
НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ

В.В. Корнильев

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.7402

ОБ «АНТИБИОТИКАХ» ПСИХОТЕРАПИИ

***Аннотация.** Сколько бы дальновидным не старался быть человек, его деятельность в большинстве случаев определяет не только его прогресс и успехи, но и новообразование проблем физического и психического характера. Психическое вмешательство не оценено, не имея под собой однозначной антропологической модели для оценки такого воздействия. На основе рассуждений Эриха Фромма о незавершенности человеческой природы сравнены два терапевтических направления: классический психоанализ и психосинтез. Принципы и методы психоаналитической практики, соотнесенные с антропологическими представлениями Эриха Фромма, являются более безопасными для человеческой антропологической неопределенности, чем психосинтез. Это преимущественно определено отсутствием в психоанализе нормальных типов и подходом к проблеме со стороны изучения патологий. Изучения в данной области должны определить развитие терапевтических направлений и вывести на первый план ряд философских вопросов о человеке.*

***Ключевые слова:** психология, психотерапия, психосинтез, психоанализ, антропогенез, эволюция, техники, методы, принципы, типология.*

* * *

Многие сегодня задаются вопросом о том, как отразит себя человеческое вмешательство в природу через какой-то период времени. Вопрос не изживает себя. С каждым витком науки человек находит все новые и новые взаимосвязи различных систем: на уровне дачного участка, города, материка, планеты, солнечной системы. Закономерность и принципы, раскрываемые точными науками, действуют в материальном мире вселенной немаломо, и с невероятной точностью изменяют реальность: развивают ее и преображают. Человек не может их оценить, ибо он не располагает альтернативами и качественными оценками в этой области, и во многом это вынуждает человека, как минимум, почитать эти законы и задумываться о том, как непоследовательно его вмешательство в процесс, ведомый этим природным законодательством. Эти законы единственны и непреложны. Однако человек, как известно, не ограничился вмешательством в царство внешней природы, его интерес обратился на самого себя. Влияние, оказываемое человеком на природу, однако, по своему смыслу и по своим особенностям резко отличается. Природа предстала перед человеком в виде жертвы его жадности, алчности, любознательности, беспокойства и ныне предоставила оплатить свой счет. Это эффект попытки человека ужиться самому с собою, таким, какой он есть. Потакая своим желаниям и влечениям, человек раскручивал колеса прогресса, преобразований и деградации одновременно. Несмотря на существование

значительного числа людей принципиально отличных, отдавших себя искусству и науке вне всякого материального интереса, и их колоссальное влияние на ход научного и творческого развития, образ цивилизации представленной нам сегодня — это, словами Э. Фромма, образ обывателя теперешней эпохи потребления.

Процесс становления этой цивилизации делали попытки контролировать крупные монархи, религиозные деятели, люди, имеющие власть и влияние вне титулов и санов, как правило через свои богатства и авторитет. Их влияние имело место, и действительно, в определенной мере они направляли процесс. Однако влияние, оказываемое ими, походит на влияние человека на ход взрыва водородной бомбы. Оно мелочно, но величественно. Властители предугадывали массовые процессы, не имея возможности полностью их контролировать, они пробивали русло для безудержного потока. Тем не менее, несколько веков назад человеческая мысль пошла детальнее.

О вопросах к психотерапии

Новой сферой влияния на ход истории человеком стал сам человек. Мы упомянем о том, что дать безусловный ответ о первом явлении направленного влияния на психику индивида достаточно сложно, ибо то, что под этим можно понимать, многогранно. Исповеди, ритуалы, обряды — явления, которые, по всей видимости, так же

ставили себе целью таковое вмешательство, конечно, во вторую очередь после религиозного значения того или иного акта. Да и по строгости контекста, нашей сферой является обсуждение научного взаимодействия природных начал и человека. Отдельный человек, находящийся под воздействием психического вмешательства, сохраняет в себе весь список философских вопросов, заданных ему от начала существования этого вида. Не возникает сомнений, что оценить влияние человека на человека, не менее важно и даже более сложно, чем оценить его влияние на ход процессов материального мира, ибо сфера человеческого полна философии и субъективизма, которые наиболее значительны именно при качественной и этической оценке явлений.

Вместе с оформлением различных подходов к изучению человеческой психики дифференцировалось множество направлений, классифицировавшихся в области клинического и терапевтического в психологии. Вдобавок к тому, что таковыми обзавелось каждое из пяти мировых направлений, дробление подходов реализовано и внутри самих направлений между различными школами и достигает нескольких десятков, а количество психотерапевтических методов и подходов перешагнуло за несколько сотен. В сущности, их числа лишь более статистика, ибо нам важен вопрос об их идейном содержании, которое позволит задать ряд философских вопросов, и в данном контексте важны именно направления или наиболее крупные школы и методы психического вмешательства, предлагаемые ими.

Основные положения критического анализа

В статье рассматриваются два наиболее удобных для данного сравнительного анализа подхода, достаточно лояльно относящихся друг к другу: психосинтез Роберто Ассаджиоли и классический психоанализ, в числе крупнейших деятелей которого стоит назвать его основателя — З. Фрейда, В. Райха, О. Ранка, А. Фрейда и упомянуть множество других значимых деятелей этого направления. Эти два клинических направления не существуют в антагонизме друг с другом, однако их подходы различны как и идеи того результата, к которым должно привести лечение в конечном итоге. Однако, прежде чем говорить об идейном содержании оговоренных клинических направлений необходимо определить тот объект, на который направлено воздействие, и от понимания которого зависит и идейное содержание самого метода лечения. Это настолько же очевидно как то, что, скажем, нейрохирург имеет четкое представление о функциональных взаимосвязях различных отделов мозга, о локализации определенных

зон в коре больших полушарий, о влиянии химических препаратов на состояние и функционирование мозга, однако вместе с тем он имеет для себя в контексте проблемы четкое и однозначное понимание того, что такое мозг исключительно в биофизическом смысле, но большего от него и не требует его деятельность.

И хотя данный пример удачен не для всех случаев нейрохирургического вмешательства, он заставляет снова задать этот вопрос: что такое человек? И находясь в сфере психологического знания — одновременно с тем и философского — единственно точно мы можем выразить лишь неопределенность и замешательство. Наиболее справедливо для психологии и философии этот ответ был сформулирован известным основателем гуманистической психологии Эрихом Фроммом¹, который однозначно определил человека как существо, вывалившееся из механизма природной эволюции, потерявшего свою биологическую нишу и находящегося в процессе глобальной самоидентификации, вызванной этими его видовыми особенностями. Такой же точки зрения придерживался и Фридрих Ницше в своих симпатиях человеку преображающемуся, меняющемуся и развивающемуся². Приведенные точки зрения согласованно говорят нам о том, что нам как минимум неизвестен наверняка ни один глобальный процесс психической эволюции человеческого вида, множество психологических моделей и описаний проверяются практикой, однако остаются глубоко гипотетичны. Предложения использования новых способов воспитания и развития в наше время не отстают в темпах от скорости внедрения неких технических инноваций. Способы обучения иностранным языкам, воспитания для детей, массовые тренинги и техники для взрослого населения, различные виды терапии и лечения — лишь малая часть того планового, целенаправленного психического влияния, оказываемого на современного человека под покровительством запросов цивилизации. Однако внимания к тому, как это может отразиться на человеке как на члене, хоть и дезертировавшем, биосистемы, слабом, неоформившемся ее представителе, не уделяется.

Справедливо заметить: то вмешательство, которое оказывается психологическими службами на человека в наши дни, расширяется интенсивно, однако в большинстве своем не носит радикального характера. Воздействие такого рода характерно более для некоторых крупных терапевтических школ (в

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011 288 с.

² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего / пер. с нем. Н. Полилова. М.: Академический Проект, 2007. 398 с.

частности рассматриваемому нами психосинтезу) или клиническому психоанализу, трансперсональной психологии. И все же принимать во внимание стоит все проявления такого рода. Так же как возникли наблюдения и опасения, что при переливании крови могут передаваться отдельные черты характера³, так и при беседе суицидально настроенного подростка по телефону доверия с неизвестным, безликим для него человеком и получение помощи от него, может иметь непредсказуемое влияние. Люди используют генномодифицированные продукты, однако опасаются непредсказуемых последствий⁴. И как непредсказуем должен быть в своих взаимодействиях человек, не стоит ли начать опасаться за него, как некогда люди стали опасаться за исчезновение флоры и фауны, взрывов атомных реакторов, убывания запасов пресной воды. Гораздо чаще возникал и был популярен вопрос о правомерности механического влияния на человеческий организм: пластические операции, операции по смене пола, клонирование и т.п. В связи с этим ставился вопрос об угрозе человеку как производству природы, о его тотальном отрыве от биологического мира посредством процессов урбанизации и технологизации.

Вероятно, пока человечество не сталкивалось с последствиями психологической помощи отдельным людям и группам людей, если таковая оказывалась компетентным в данной области человеком. Но в каком отношении применяемые техники и методики находятся к принципам развития и эволюции человеческой психики, не существует ли некоего антагонизма, не вредят ли некоторые терапевтические техники психике как природному явлению. Не существенно, к сожалению, то, что они основываются на определенных моделях психической реальности, ибо вмешательство человека в биосферу соотносилось с законами и принципами жизни этого мира, и это нисколько не предупредило ее разрушение.

Критика психоанализа

Теперь есть все основания обратиться непосредственно к обозначенным нами клиническим направлениям: психоанализу и психосинтезу. В первую очередь необходимо направить внимание на общие идеи, положенные в основу их клинической работы, их главные цели, которые они преследуют. Цели психоанализа формулируются, исходя из его теоретических

основ. Психоанализ — наука, нашедшая свои основания в патологических состояниях психики. Первыми объектами исследования основателя и соподвижников психоанализа были невротики и патологические личности, которые все были определены как носители устойчивой структуры чувствования. Наличие этой структуры принуждает больных реагировать неадекватным ситуации образом. Отсюда вытекает базовая задача практикующего психоаналитика: разрушить эту структуру чувствования. «Расшатать»: сделать человека спонтанным, то есть добиться того, чтобы вылеченный человек формировал постоянно адекватную реакцию в отношении ситуации, в которой он оказывается, чтобы не существовало болезненных бессознательных детерминант его поведения. Человек подвергается своеобразному «раскрепощению»⁵. Слово «анализ» фактически передает нам это направление работы: человек расчленяется, если так можно выразиться, на составные части его психической структуры, перестраивая и разрушая патологические образования. По мнению психоаналитиков, работа с человеком заканчивается, если тот освобожден и более не угнетается бессознательными фиксациями.

После этого человек, в некотором смысле, оставляется один на один с жизнью, однако теперь он готов взять ее в свои руки, его потенциал раскрыт. В обязанности психоаналитика не входит дальнейшее введение в жизнь своего подопечного, это осуществляется частично в ходе работы, пока снятие очередных фиксаций позволяет человеку вживаться в новые социальные группы и приобщаться к новым сферам жизни, по-другому выстраивать старое. По окончании работы, дальнейший жизненный путь не выстраивается совместно с психоаналитиком, человек отправляется в «свободное плавание». Важно, что и во время работы действия психоаналитика не имеют направленного влияния. З. Фрейд отмечал, что клиницист на время принимает на себя роль сублиматора либидозной энергии пациента, что доставляет немало проблем в процессе лечения⁶. Отто Ранк выделил в отдельный этап работы — разрушение привязанности пациента к психоаналитику, подсознательно формирующуюся как привязанность невротической личности к матери⁷.

Что можно сказать о таком типе психического вмешательства? Несомненно, что это акт сознатель-

³ Выводы на основании разработки теста японским ученым Пошитаке Номи.

⁴ См.: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/gmo/>.

⁵ Фрейд З. Техника психоанализа / пер. с нем. А.М. Боковинов. М.: Академический Проект, 2008. 292 с.

⁶ Там же.

⁷ Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа / пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2009. 239 с.

ного влияния на человека, на процесс его развития и, возможно, эволюции. Даже инстинктивные действия здесь преимущественно рационализируются или, как минимум, осмысливаются. Теперь же необходимо ответить на вопрос — на что мы влияем, на результат инстинктивного, — что уполномочивает нашу критику в отношении психоаналитических принципов и техник — или результат рационального — что дает нам шанс оправдать и уполномочить психоанализ. Материал, с которым работает психоаналитик, — явления детства, определенное воспитание, взаимоотношения в семье, влияние родителей, то, как все перечисленное определяет поведение пациента в его взрослой жизни. Социальной группой, оказывающей основное влияние на формирование человека в детстве, является семья. Этот институт один из древнейших, однако его характеристики в течение истории были безусловно динамичны⁸. Вопрос о главенстве в семье, ролях того или иного члена семьи, отношении к ребенку постоянно имели различные ответы, и что особенно важно: многие преобразования не только формировали культуру определенной эпохи, но и сами формировались и испытывали влияния культуры. Философия, технические достижения, геополитических расстановки, достижения искусства — все эти продукты рационально-иррациональной психики оказывали и оказывают влияние на образ семьи. Однозначно семья не является результатом истории человеческих инстинктов.

Стили и методы воспитания — наиболее важная в клиническом плане характеристика семьи — являются самыми динамичными в истории. Таким образом, рационалистическое вмешательство психоаналитика в психику больного направлено на область его личности преимущественно рационалистического происхождения, происхождения под контролем сознания, может быть заказом культуры, если вновь обратиться к трудам Фромма, его концепции социального характера⁹. Параметры, отмеченные выше, таким образом, одновременно являются и определителями области приложения психоаналитических усилий, и фактами для основания положения о несформированности человеческого вида. Несомненно, в человеке есть ряд устойчивых черт, биофизических особенностей, психических особенностей, которые говорят о диаметрально ином. Те черты, которые дали возможность говорить о человеке как о «высшем примате», которые позволяют развить психологию управления или психодиагностику,

которые позволяют человека, признанного субъектом, изучать как объект, создавая стандартизированное в психологии¹⁰. Хотя в духе современности стоит отметить, что наиболее современные школы и направления масштабно обновляют арсенал методик и диагностик, заменяя его техниками и более сложными методами анализа? Что вытесняет и упраздняет диагностики, тесты, опросники, долгое время разрабатываемые экспериментальной психологией, психодиагностикой, психологией труда.

И это замечание возвращает нас к идее о том, что психоаналитик преимущественно работает в сфере человеческой психики, которая не имеет четких, инстинктивных алгоритмов развития, то есть говорить здесь о вмешательстве клинициста в человеческую природу неправомерно, ибо эта сфера определяет человека как выпавшее из природной системы существо. Психоаналитик в общем смысле, как это представляется в публицистической литературе, в учебных изданиях, занимается исправление ошибок детского развития, он обращается к тем дефектам развития уже взрослого человека, которым естественно не мог противостоять ранее сам пациент, и молчала природа. Такое проживание беспомощности определило развитие человека, и именно это проживание «корректирует» психоаналитик.

Здесь стоит снова напомнить образ этой «коррекции». Это приведение человека к спонтанности, к раскрепощению его души и тела, предоставление ему возможности продолжать развитие и закреплять достигнутое, быть может, реализовываться как вид. Примечательные две вещи. Первая — в классическом психоанализе не сформировалось классификации нормы, о чем речь пойдет позднее. Второе — в число задач психоанализа входит согласование, взаимоконтроль и кооперация духовного и телесного в человеке¹¹. Телесное же, как отмечалось ранее, основа того, что определяет человеческую природу в пределах возможного. То есть клинический смысл психоанализа оправдан дважды. Во-первых, область его вмешательства не относится к совокупности постоянного в природе человека, во-вторых, он направлен на поддержание и согласование устойчивых и неустойчивых характеристик человека. Отметим так же, что человек после лечения готов к раскрытию своего потенциала, и не имеет каких либо заранее продуманных или предполагаемых векторов развития, он направляет себя сам и естественными условиями.

⁸ Ллойд де Моз. Психоиистория. М.: Феникс 2000. 512 с.

⁹ Фромм Э. О неповиновении и другие эссе: приложение гуманистического психоанализа к марксистской теории / пер. с англ. А.В. Александрова. М.: АСТ, 2012. 217 с.

¹⁰ Пряжникова Е.Ю. Психология труда: теория и практика: учебник. М.: Юрайт, 2012. 520 с.

¹¹ Райх В. Функция оргазма. М.: АСТ, 1997. 150 с.

Критика психосинтеза

Теперь у нас есть возможность перейти к другой терапевтической школе, более современной, вобравшей в себя множество новейших, эффективных техник и богатый теоретический материал. Психосинтез формировался эклектическим путем, и в конечном итоге представляет из себя мощный арсенал различного вида упражнений. Ход работы терапевта по методу психосинтеза преимущественно алгоритмизирован и упорядочен. В зависимости от того с какими жалобами приходит человек, специалист определяет этап его духовно-творческого развития и получает представление о том, что ему предстоит сделать. Вобрав в себя множество знаний об организации психического, психосинтез, в лице Роберто Ассаджиоли смог совершить такую громоздкую работу. Конечно, ошибочно само представление, что история последующего лечения лежит перед терапевтом как на ладони. Алгоритмизация хода работы и дифференциация этапов психического развития в психосинтезе лишь более многочисленны, и как бы это не упростило работу, множество трудностей заключается в качественных, типовых характеристиках человека: острота его собственного переживания проблемы, эмоциональная чувствительность, уровень развития воли. В этом случае не имеет влияния ни проблемная ситуация из-за которой человек обращается за помощью, ни этап его духовно-творческого развития¹².

До более тщательного рассмотрения психосинтетического процесса стоит отметить, что психоанализ, был одним из тех направлений, чей опыт и теоретические наработки вобрал в себя психосинтез. Именно поэтому первым этапом, работы с человеком Ассаджиоли называет «достижение полного контроля своей личности», во время которого человек должен избавиться от содержимого бессознательного, которое отягощает его поведение, сковывает волю и личность в ее развитии. Это не является, однако, основной частью работы. Больше времени и усилий, по Р. Ассаджиоли, занимает проведение человека по этапам его духовного развития, ибо оно сопровождается рядом кризисов, во время которых человек может впадать в глубокие депрессии, проявлять суицидальные наклонности, терять ценностные ориентиры, как правило, из-за расхождения в ожиданиях, которые у человека появляются в связи с некими событиями, и их действительно реализуемой значимостью. Как пример, значимость самого духов-

ного пробуждения велика, однако, результат отсрочен и продвигаться к нему, так или иначе, гораздо дольше и труднее, чем было явлено в ожиданиях человека ощутившего это духовное пробуждение¹³.

Разбирая значение психосинтеза в соотношении с неопределенностью человеческого вида, мы снова обратимся к этимологическим ориентирам, которые все же, вопреки нашему изначальному утверждению, выдают некоторый идейный антагонизм психоанализа и психосинтеза и объясняют их техническую совместимость. Слово «синтез» по своему значению предполагает наличие «сырого» материала, который предположительно должен быть интегрирован в систему. Первая аналитическая часть работы с пациентом предоставляет этот материал. Как мы отмечали, психоанализ приводит пациента к состоянию готовности использовать раскрытый человеческий потенциал. Но психосинтез, ставя себе задачу осуществить воссоединение личного Я с высшим Я, продолжает воздействие, или, лучше сказать, оказание поддержки психического развития. Синтез личного с высшим Я производится в психосинтезе на основе выделения семи психологических типов. То есть, определив в человеке наличие типовых тенденции, терапевт осуществляет поддержку развития в этом направлении, помогая человеку в преодолении кризисов творческого развития¹⁴.

Именно при рассмотрении этих положений возникают два вопроса: первый — об основаниях дифференциации психологических типов, второй — о том, как действия психосинтеза влияют на человеческую природу. В отношении выделения психологических типов достаточно отметить, что психосинтез — психологическое направление, использующее герменевтический подход в построении своей теории. Классификации в таких областях знания всегда сомнительны, не выдерживают проверку временем, с накоплением эмпирического материала становятся размытыми. Что, по-видимому, связано именно с размытостью человеческой природы и ее динамикой. Если таковая связь существует, то она же станет пунктом критики психосинтеза, ибо терапия такого рода будет являться вмешательством в развитие человеческого вида, чего как отмечено в начале работы, стоит остерегаться и предупреждать во избежание непредвиденного результата. Возможно своеобразное, произвольное, притягивавшее человека к развитию по определенным алгоритмам и направлениям формирует в нем психологические типы и нарушает ход свободного развития.

¹³ Там же.

¹⁴ Ассаджиоли Р. Типология психосинтеза: семь основных типов личности / пер. с нем. Т. Дабкина. М.: Мир Урании, 2008. 160 с.

¹² Ассаджиоли Р. Психосинтез: Принципы и техники / пер. с англ. Е. Перовой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.

Вмешательство в развитие человека, переходя диффузно ко второму вопросу, проявляется в помощи преодоления духовных кризисов и вне руководства определенной типологией. Человек, потенциально готовый к своему духовно-творческому развитию, традиционно имеет возможности и задачу: самостоятельно совершить этот эволюционный скачок. Множество людей, не пользующихся помощью психотерапевта, потенциально способны и к преодолению этих кризисов. Довольно редко явление, а если оно случается, то непредсказуемо, когда мир возлагает на человека задачи и трудности, превосходящие его возможности выживания или развития. В течение поколений человечество сталкивается все с большими эмоциональными потрясениями и кризисами. Психологическая устойчивость и реактивность — это приобретение нашей цивилизации взамен естественного отбора Чарльза Дарвина, который человек преодолевает с помощью разного рода технических приспособлений. Психическая жизнь стала сферой конкурентной борьбы, в которую человек привносит и для которой нарабатывает множество вспомогательных техник, упражнений, методик. Будто не заметив одряхление и физическую деградацию городского человека в условиях отсутствия биологического естественного отбора, идет тенденция к подмене человеческих качеств и способностей психологическими техниками, упражнениями, тренингами. Стоит быть осмотрительнее и предположить: что как в свое время люди впустили в свою жизнь антибиотики и иммуностимуляторы, так последние полтора века мы передаем ответственность за свою жизнь в руки психотерапевтических схем и алгоритмов.

Но в контексте этих высказываний существует две неопределенности. Первая: что стоит относить к естественным психологическим средствам человека в процессе преодоления им жизненных ситуаций. В данном случае надо обратиться к понятиям пассивности и активности психических структур. Сознание, кроме задач соотнесения и организации взаимодействия сознательного бессознательного и сверх-Я, занимается удвоением образа реальности, что позволяет ориентироваться в актуальных, сиюмоментных взаимодействиях. То есть в сознание активно в ходе преодоления жизненных активных ситуаций, что очевидно и без дополнительных приведенных доказательств. Однако сопротивление и защита от психологических перегрузок и стрессов, если мы используем техники, прикладываем усилия воли, отстраняемся, снова возлагается на сознание. Таким образом, оно выполняет двойную функцию, а человек как устойчивый тип не применяет, если в принципе имеет, видовых систем психологической защиты и устойчивости. Бессозна-

тельные, инстинктивные механизмы проявляют себя пассивно и редко, более того не остается шансов на приобретение каких либо новых актуальных и эффективных свойств. Разумеется, модель идеализированна, но с некоторой гипотетичностью она отражает тенденции человеческого развития.

Второй вопрос: как стоит в таком случае оценивать психологические практики, применяемые древними народами, сохранившими первобытные строи и традиции. Именно многие из них дали основания для развития Арт-терапии, бодиад-терапии, аутогенных упражнений, психоделических сеансов и т.п. Ведь эти вмешательства носили и носят самый откровенный характер. Но, к сожалению, слишком мало представлений о том, как преображалась психика на протяжении истории человечества, и преображалась ли вообще. Однако вопрос поставлен по-иному. Речь идет о правомерности явления, а не об оценке его результатов. И в этом случае важно, что упомянутые техники имели ненаучное происхождение, по всей видимости, именно бессознательное направляло человека, формируя такой образ поведения. К тому же характер проблем решаемых техниками первобытного мира и современных людей зачастую принципиально отличны. Первобытные техники чаще решали проблемы самого бытового характера и имели религиозное значение. В современности этот диапазон расширился проблемами духовного характера, экзистенциальными проблемами, проблемами смысла жизни, что очевидным образом имеет большее значение для жизни и развития человеческой психики. Такое рассуждение, на наш взгляд, заочно может разрешить вопрос о том, эволюционирует ли психика вообще. Ибо как бы ни были отличны условия существования первобытных людей и современных, нередко человек более отстраняется от проблемы выживания, чем от своих психологических проблем, о существовании чего трудно предположить у первобытного человека. Здесь же стоит упомянуть о процессе психического космоса в коллективном бессознательном, описанного К. Юнгом, к которому можно, хоть и неоднозначно, отнести как к образу психического филогенеза, результатом которого выступают архетипические образования. И стоит отметить, что это то небольшое, что наверняка определяет наличие психической эволюции. Выкристаллизовывание человеческого опыта в архетипические образования есть не только ответ на первоочередной вопрос об эволюции, но и ответ на вопрос о единообразии психического прогресса в населении земного шара. Коллективное бессознательное есть резервуар для всех народов, что позволяет им продолжать эволюцию в одном направлении. Конечно,

классическая психоаналитическая концепция так же исходит из антропологических данностей первого человека, однако апеллирование З. Фрейда к эдиповому комплексу¹⁵ в этом вопросе говорит о её ошибочности. Единообразие же опыта лежащего в основе эволюции, вероятно, определяется общими для всех антропологическими характеристиками.

Проведя вышеизложенные рассуждения, мы окружным путем пришли к предположению о том, что при использовании психосинтеза как метода лечения, воздействие может сказаться на бессознательных, природных свойствах человека. Исходя из того, что нагрузка психической защиты должна лежать на бессознательном, делается вывод о небезопасности психологической поддержки людей в проблемных ситуациях для них самих. Но ведь именно поддержка такого рода оказывается человеку преодолевающему кризисы духовно-творческого развития. Стоит ли снимать хоть часть ответственности с человека за успех его развития неизвестно, однако стоит учесть возможность «медвежьей услуги».

* * *

В последнюю очередь, невозможно не вернуться к правомерности нашего основного используемого положения о незавершенности человеческой природы и к тем задачам, которые мы предъявляем психотерапии исходя из него. Стремясь определить направление работы практикующих психологов исходя из позиции Фромма, сформировался «принцип непротивления» человеческому развитию. Фактическое воззвание к независимости человека от психотехник, аналогичное укрепившемуся сопротивлению зависимости от антибиотиков. Контрастным образом возникает затейливое на первый взгляд соображение о порочности зависимости от независимости, которая усматривается в такого рода идее. Вместе с тем затейливость такого замечания разрушается его несодержательностью, ибо независимость есть явление идеализируемое, которое может послужить лишь образом задающим направление, например, как в данном случае, в развитии. Отсутствие зависимости — идеальное понятие. Но если внимательнее обратиться к теме статьи, то ясно, что обозначенная выше цель — непротиворечащее природе развитие, или еще абстрактнее — развитие. Независимость — одно из многочисленных условий. Необходимо здесь же отметить, что само наличие динамики предполагает зависимость. Но чтобы критиковать ее в данном случае она не является самоцелью, поэтому проблема, связанная с «зависимостью от независимости» более

надуманная по причине естественности условий и идеализации понятий.

Разумеется, целью данной работы не было монополизирование какого-либо клинического направления. Классический психоанализ и психосинтез родственные друг другу направления терапии, имеющие несколько призрачную границу, разделяющую их между собой, а основанием для этого всегда выступает конкретный клинический случай. На уровне обывденного сознания цели, преследуемые ими однообразны, терапия направлена на человеческий запрос — обрести счастье. Однако осмотренность, которая была упущена в случае с эксплуатацией земного шара, не должна быть так же проигнорирована и при психическом вмешательстве в жизни людей, не упоминая о том, что множество проблем требующих скорого разрешения именно способами психического вмешательства, возникают на основе все той же неосмотренности легшей в основу капиталистического строя, погнавшего человека за «псевдоудовлетворениями»¹⁶. Психологическая неосмотренность — центральная проблема последнего столетия, как в философском, так и в практическом смысле. Валентин Распутин прямо говорит об этом в своем произведении «Прощание с Матёрой» словами Дарьи: «Пощарюет, пощарюет, да загорюет... Машины на вас работают. Но-но! Давно уж не оне на вас, а вы на их работаете — не вижу я, ли чёли...»¹⁷ Эти слова могут стать применимы и к сегодняшней психотерапевтической практике. Попытка определить наименее рискованный тип психологического вмешательства между психоанализом и психосинтезом, привела к предпочтению первого, на основе представлений Эриха Фромма о человеческой природе. Хотя и, стоит отметить, так критически пересмотревшего взгляды психоанализа на психическое развитие. Психоанализ, вероятно, является менее рискованным способом психологической помощи, в котором человеку лишь заново предоставляется возможность разрешить свои вопросы, самостоятельно. Усилия и работа предстоящая пациенту во время психоаналитической работы отпугивает и количеством проработанного времени и количеством затрачиваемых усилий, по сравнению с психосинтезом Ассаджиоли, однако не вызывает научного опасения в своей правомочности использования.

¹⁶ Фромм Э. О неповиновении и другие эссе: Ценности, психология и человеческое существование / пер. с англ. А.В. Александрова. М.: АСТ, 2012. 217 с.

¹⁷ Распутин В. Прощание с Матерой. М.: Просвещение, 1991. 162 с.

¹⁵ Фрейд З. Тотем и табу. М.: АСТ, 2009. 320 с.

Список литературы:

1. Ассаджиоли Р. Психосинтез: Принципы и техники / пер. с англ. Е. Перовой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
2. Ассаджиоли Р. Типология психосинтеза: семь основных типов личности / пер. с нем. Т. Драбкина. М.: Мир Урании, 2008. 160 с.
3. Ллойд де Моз. Психоистория. М.: Феникс, 2000. 512 с.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего / пер. с нем. Н. Полилова. М.: Академический Проект, 2007. 398 с.
5. Пряжникова Е.Ю. Психология труда: теория и практика: учебник. М.: Юрайт, 2012. 520 с.
6. Райх В. Функция оргазма. М.: АСТ, 1997. 150 с.
7. Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа / пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2009. 239 с.
8. Распутин В. Прощание с Матерой. М.: Просвещение, 1991. 162 с.
9. Фрейд З. Психика: структура и функционирование / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 230 с.
10. Фрейд З. Техника психоанализа / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2008. 292 с.
11. Фрейд З. Тотем и табу. М.: АСТ, 2009. 320 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.
13. Фромм Э. О неповиновении и другие эссе / пер. с англ. А.В. Александрова. М.: АСТ, 2012. 217 с.

References (transliteration):

1. Assadzhioli R. Psikhosintez: Printsipy i tekhniki / per. s angl. E. Perovoy. M.: EKSMO-Press, 2002. 416 s.
2. Assadzhioli R. Tipologiya psikhosinteza: sem' osnovnykh tipov lichnosti / per. s nem. T. Drabkina. M.: Mir Uranii, 2008. 160 s.
3. Lloyd de Moz. Psikhoistoriya. M.: Feniks, 2000. 512 s.
4. Nitsche F. Po tu storonu dobra i zla: Prelyudiya k filosofii budushchego / per. s nem. N. Polilova. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 398 s.
5. Pryazhnikova E.Yu. Psikhologiya truda: teoriya i praktika: uchebnik. M.: Yurayt, 2012. 520 s.
6. Raykh V. Funktsiya orgazma. M.: AST, 1997. 150 s.
7. Rank O. Travma rozhdeniya i ee znachenie dlya psikhoanaliza / per. s nem. M.: Kogito-Tsentr, 2009. 239 s.
8. Rasputin V. Proshchanie s Materoy. M.: Prosveshchenie, 1991. 162 s.
9. Freyd Z. Psikhika: struktura i funktsionirovanie / per. s nem. A.M. Bokovikov, M.: Akademicheskii proekt, 2007. 230 s.
10. Freyd Z. Tekhnika psikhoanaliza / per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskii proekt, 2008. 292 s.
11. Freyd Z. Totem i tabu. M.: AST, 2009. 320 s.
12. Fromm E. Begstvo ot svobody. M.: AST, 2011. 288 s.
13. Fromm E. O nepovinoventii i drugie esse / per. s angl. A.V. Aleksandrova. M.: AST, 2012. 217 s.